

Г. Н. Потанин

**Журнал Министерства
Народного Просвещения**

Часть 219

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. Н. Потанин**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 219 / Г. Н. Потанин –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 102 с.

ISBN 978-5-4241-8894-7

Журнал Министерства Народного Просвещения.

ISBN 978-5-4241-8894-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ніе, будто это—шаманъ, а также другое, что это—верблюдъ, на которомъ сидитъ человѣкъ, бьющій въ бубенъ. Урянхайцы вмѣсто Лу говорятъ Улы и вмѣсто Тэнгри-ханъ — Терь-ханъ; послѣднее имя вполне соответствуетъ монгольскому, потому что Урянхайцы, вмѣсто монгольскаго тэнгри, небо, произносятъ терь. Монголы къ имени Тэнгри прибавляютъ иногда Хурмусту; они говорятъ, что во время грозы на Лу ѣздитъ Тэнгри-Хурмусту-ханъ. Что Хурмусту было именемъ Громовника, показываютъ нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ и былинахъ; въ напечатанной мною сказкѣ о Боролдаѣ-Ху ¹⁾ Гурбустэпъ-ханъ (который, вѣроятно, есть то же, что Хурмусту-ханъ) убиваетъ Громъ-батьку русскихъ сказокъ, представляющихся вариантами Боролдая-Ху; въ концѣ сказки Гурбустэпъ-ханъ убиваетъ молніей темную силу Мангыса. Въ дюрбютской былинѣ о богатырѣ Принъ-Сайнѣ Гучинъ-Гурба-Гурбустэпъ-ханъ также является мечущимъ молнію съ неба ²⁾. Алтайцы приписываютъ громъ и Улы, и Кайракану. Во время грома Алтайцы произносятъ: „Кайраканъ!“ въ родѣ того, какъ у насъ простой народъ говоритъ въ это время „Святъ, святъ, Господь Саваоѣ“. Подъ Улы Алтайцы, подобно Урянхайцамъ и Монголамъ—на сколько могу судить изъ своихъ скудныхъ разпросовъ,—разумеютъ змѣя.

Къ этимъ именамъ мы въ правѣ присоединить монгольское „Хаирханъ“, хотя я не имѣемъ прямаго указанія, чтобы этимъ именемъ назывался громъ. Это причисленіе хаирхана къ именамъ Громовника мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: Впервыхъ, хаирханъ фонетически вполне соответствуетъ алтайскому кайраканъ; татарскій звукъ к въ монгольскомъ постоянно переходитъ въ х, какъ напримѣръ, кара—черный въ монгольскомъ хара, ку лебедь въ монгольскомъ хонгъ и т. д. Вовторыхъ, выраженіе: „э, хаирханъ!“ существуетъ и у Монголовъ, хотя я слышалъ его употребляемымъ только для показанія своего удивленія, напримѣръ, при разказѣ о чемъ-нибудь необыкновенномъ. Втретьихъ, хаирханами въ Монголіи часто называются горы или небольшія, но уединенно стоящія посреди равнины, или хотя и стоящія въ ряду другихъ, но выдавшіяся значительно своею высотой. Иногда такіа высоты бываютъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Въ сѣверо-западной Монголіи есть нѣсколько такихъ уединенныхъ бѣлковъ, какъ напримѣръ, Харкиринскій бѣлокъ къ востоку отъ озера

¹⁾ См. моя Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 171.

²⁾ *Изв. Геогр. Общ.* 1880 г., стр. 175.

Убса, Виту-Ерякъ и Алтынъ Чучей—на правомъ берегу рѣки Кобдо, Теректинскій бѣлокъ — на правомъ берегу рѣки Буянту къ востоку отъ города Кобдо, Отханъ-Хаирханъ—къ сѣверу отъ города Уласутаа и т. д. Такія высокія горы, покрыты ли онѣ вѣчнымъ снѣгомъ, или нѣтъ, имѣютъ свойство притягивать къ себѣ грозовыя облака. Часто на равнинѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца стоятъ ясная погода, а въ сосѣднемъ бѣлкѣ, перстахъ въ тридцати или сорока, чуть не черезъ день разражается гроза, гремитъ громъ, идетъ дождь или градъ. Мы сами были часто свидѣтелями подобныхъ картинъ, когда жили въ монастырѣ Улангомѣ. Такія горы пользуются особымъ уваженіемъ не только у шаманистовъ, но и у буддистовъ. Окрестное населеніе выбираетъ какую-нибудь возвышенность по близости высокой горы, насыпаетъ здѣсь „обо“, то-есть, кучу камней, и собирается около нея въ извѣстные дни года, при чемъ ламанты читаютъ молитвы, а шаманисты приносятъ жертвы. Шаманисты — на сколько я понимаю ихъ мысль—признаютъ самый бѣлокъ за источникъ грозоваго явленія; для нихъ бѣлокъ также гремитъ, проливаетъ дождь и сыплетъ градъ; какъ для насъ по крайней мѣрѣ граматически волнакъ бросаетъ волю и бомбы, изливаетъ лаву и производитъ гуль и землетрясеніе. Шаманисты отождествляютъ высокую гору или бѣлокъ съ самимъ громовникомъ: Для отличія одного хаирхана отъ другаго, къ нарицательному „хаирханъ“ прибавляется собственное имя; такимъ образомъ въ сѣверо-западной Монголіи находимъ горы подъ названіемъ Даунъ-Хаирханъ, Ватиръ-Хаирханъ, Отханъ-Хаирханъ, Хотунъ-Хаирханъ, Буръ-Хаирханъ, Вурешъ-Хаирханъ, Онго-Хаирханъ, Тельгиръ-Хаирханъ, Тосъ-Хаирханъ, Вань-Хаирханъ, Цаганъ-Хаирханъ, Курѣнъ-Хаирханъ и многія другія. Небольшія горы съ названіемъ хаирханъ также встрѣчаются, по рѣже; мы знаемъ, напримѣръ, Табынъ-Хаирханъ, Талэнъ-Хаирханъ; нельзя не замѣтить, что эти низкіе хаирханы носятъ эпитеты простыя; Табынъ-Хаирханъ въ переводѣ означаетъ „пять хаирхановъ“ (тутъ дѣйствительно пять отдѣльныхъ высотъ), Талэнъ-Хаирханъ — „равнинный хаирханъ“; у высокихъ же хаирхановъ эпитеты, по видимому, старинныя, мисеологическія, утратившія смыслъ, а если послѣдній иногда и замѣчается въ нихъ, то долженъ быть объясняемъ позднѣйшимъ домышленіемъ народа. Поэтому переносъ имени хаирханъ на невысокія горы, вѣроятно, есть явленіе исключительное; главнымъ же образомъ подъ хаирханами разумѣлись высокія, тученосныя горы. Хаирханъ, какъ названіе для горъ, встрѣчается, кажется, только въ западной Монголіи, въ Хангаѣ

и Алтай; въ Тянь-Шанѣ мы это имя совсѣмъ не слышали; на сѣверѣ границей распространенія этого названія служить Тяньну-Ола; въ этомъ хребтѣ я знаю только два хайрхана; въ долинѣ Улу-Хома стоитъ отдѣльная каменная гора Кайраканъ, но это уже собственное имя, и никакого эпитета въ слову кайраканъ не приставляется. Другой Кайраканъ въ Тяньну-Олѣ стоитъ въ вершинахъ рѣки Самгал-тая ¹⁾. У Урянхайцевъ и Алтайцевъ для высокихъ горъ, которымъ дѣлается поклоненіе, существуютъ уже другія имена; Урянхайцы называютъ ихъ аднэту, Алтайцы—джанэту или инэту, но объ этихъ словахъ мы скажемъ особо. На востокѣ въ хребтѣ Алтай хайрханы встрѣчаются довольно далеко; такъ, гора Того-Хайрханъ упоминается между хребтами Гурбапъ-сайхашъ и Муни-ула (подъ 44° с. ш.). И такъ, на первый разъ мы имѣемъ для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-ханъ, въ урянхайскомъ произношеніи Терь-ханъ, 2) Хайрханъ, въ алтайской и урянхайской передачѣ Кайраканъ; 3) Хурмусту или Гурбуставъ-ханъ и 4) Лу, въ алтайской и урянхайской передачѣ Улы.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-ханъ. Слово тэнгри, относимое также тэнгиръ, по монгольски означаетъ небо, такъ что Тэнгри-ханъ можетъ быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производитъ рядъ діалектическихъ видоизмѣненій, обусловленныхъ или переходомъ гласныхъ, или свойствомъ турко-монгольскихъ языковъ измѣнять носовой звукъ *и* въ *э*, *и* или въ *й*, и наконецъ, совсѣмъ опускать его; приводимъ здѣсь списокъ этихъ видоизмѣненій: тамара — небо и богъ по якутски; темере — небо, каан темере — царь—небо по алтайски; тэмри-тагали — богъ, обитающій въ небѣ, у Казанскихъ Татаръ. Тегри—небо у Кондомскихъ Черпевыхъ Татаръ; (Тыгири-тижи — зубы цоба, названіе горъ въ вершинахъ р. Томи); Тегеръ-куль — (ипородческое имя Божьяго озера въ Томской губерніи); теръ—небо по урянхайски; торум—небо и Богъ по остяцки; тора—высшее божество по чувашски. У простыхъ неграмотныхъ Киргизовъ встрѣчаются выраженія тайръ джарылгасунъ! да возблагодарить тебя небо! ой тайрай, восклицаніе при удивленіи чему-нибудь; вѣроятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что названіе тэмри сначала обозначало не одо небо, но небо и громъ вмѣстѣ, и есть слово звукоподражательное;

¹⁾ На картѣ г. Орлова, сопутствовавшего намъ въ сѣверо-западную Монголію въ 1879 г., назначены горы Хайрханъ на правомъ берегу Ха-вела, противъ устья Седзена и Джинбелъ.

первобытный человекъ едва ли былъ въ состояніи при первоначальной бѣдности языка дифференцировать понятіе о небѣ отъ понятія о громѣ.

Въ подтвержденіе мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидѣтельствующіе, что тотъ же корень распространенъ во многихъ словахъ туранскихъ языковъ, которыя должны обозначать громъ, трескъ или вообще звукъ.

Въ алтайскомъ языкѣ есть нѣсколько глаголовъ этого корня, которые для нагляднаго представленія ихъ параллелизма я располагаю въ видѣ слѣдующей таблицы:

камирадып jat	шамирадып jat	
кумирадып jat	шпмирадып jat	тюмирадып jat
кункельдэдып jat	канкылдэдып jat	тункелдэдып jat

Всѣ эти глаголы передаютъ различные звуки, громы и трески. „Камирадып“ говорить о громѣ, о колоколѣ, „кумирадып“ о большомъ колоколѣ; шмирадып jat говорить тогда, когда хотятъ сказать, что звенить колокольчикъ подъ дугой, кункельдэдып говорится о громѣ пустой бочки, которую везутъ въ телегѣ или о самой телегѣ, когда ѣдутъ по замерзшей землѣ; тункельдэдып говорятъ о звукахъ бубна; подобныя же отгѣнки, которые я, къ сожалѣнію, не записалъ, передаются и формами тюмирадып, шамирадып и шанкылдэдып (отъ послѣдней черезъ опускъ носоваго и образованъ глаголъ шакилдадып, чакать).

Въ языкѣ Казанскихъ Татаръ также есть слово этого же корня амраша; говорится о ревѣ медвѣдя. У Котоновъ на озерѣ Убса глаголъ чингир звать, кричать; у Койбаловъ: kəgagarben, keigarerben, звать; kəigallrben, kyigallrben кричать, keiga — крикъ ¹⁾); у Карагасовъ: kəgagarshen, звать, кейшкерармен, кричать. У Алтайцевъ кричать—кыйгыр, кыйгыра, о птицахъ—пойыра, во время охоты на звѣрей—агыр ²⁾); звать—кычыръ; о ревущемъ медвѣдѣ Алтайцы говорятъ багра. У Киргизовъ звать—чакыр, кричать качыръ. У Якутовъ ыгыр, звать; самыр—звать, кричать; возвышать голосъ ³⁾); у Урянхайцевъ: ыт ыгырер — собака лаетъ (на языкѣ черепныхъ Татаръ ыгыр — колокольчикъ ⁴⁾); у Алтайцевъ чингир сморкаться; у Чувашей шынгир—

¹⁾ Kastren, Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, 155—157.

²⁾ Грамм. алт. языка, стр. 45, 34.

³⁾ Böblingk, Jacut. Wörterb. 29, 152.

⁴⁾ Соловницкій, Чув. слов., 15.

сморкаться ¹⁾, отсюда чынгыр, алтайское сопля; по чувашски манга, по татарски мамка сопля; мангыль чув. сопливый; у Тавовскихъ Самоѣдовъ ламурум, ламури, у Енисейскихъ Остяковъ leungago, leungado—кричатъ, у Юраковъ handau (handau), у Енисейскихъ Остяковъ камабо, leungago звать. ²⁾).

Къ этимъ глаголамъ можно присоединить звукоподражательныя междометія: монгольское хангир-чангиръ въ родѣ нашего тринь, тринь!; алтайск. шамыр-шумуръ звонъ; ынгыр-чынгыр—скрипъ ³⁾; манджурск. кунгур-кангаръ громъ, трескъ отъ пустыхъ экипажей или отъ небеснаго грома ⁴⁾; казанск.-татарск. шингыр — шамыр ⁵⁾, чувашск.—чангыр-чапгыръ звонъ мѣди; (ср. якутск. лымыыръ звонъ) ⁶⁾.

Понятіе о небесномъ громѣ передается такъ: у Алтайцевъ: кузуре, кутуре, громъ гремитъ; кузурт, кугурт, громъ ⁷⁾; у Койбаловъ küğırt — громъ, kusurıǵben гремѣтъ (о громѣ); у Сойотовъ тумуруц, громъ; у Карагасовъ діг ⁸⁾; у Биргивовъ кунь кумірбды, кунь куркрбды громъ гремитъ; у Хамійцевъ и у крымскихъ татаръ кунь кургульдейды громъ гремитъ ⁹⁾; у Чувашей кундурдэдэтъ ¹⁰⁾; у крещенныхъ Татаръ тѣмре бабай кукрѣтѣ, небо дѣдъ гремитъ; у горныхъ Черемисъ кудурча, громъ гремитъ; у Вотяковъ: гудыры, громъ. Тотъ же корень встрѣчается во многихъ существительныхъ именахъ для предметовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ звуку: комыру, комыору, по алтайски колокольчикъ ¹¹⁾; кымырау по татар. id, шымырау по чуваш. id. ¹²⁾; хонгро по монгольски, погремущки на бубнѣ, кунгуру тѣ же погремущки

¹⁾ *Золотни.*, стр. 109.

²⁾ *Castren*, *Wörterverz. d. Samojed. Spr.*, стр. 265, 276.

³⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 34 и 289.

⁴⁾ *Словарь Захарова*, стр. 289.

⁵⁾ *Золотницкій*, *Кор. Чув. словарь*, стр. 15, 80, 100.

⁶⁾ *Böhltingk*, *Jacut. Wörterbuch*, 151.

⁷⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 20.

⁸⁾ *Castren*, *Verg. v. Koib. u. Karag. Spr.*, 99, 136.

⁹⁾ Сравни названія птицъ кургулдай—ремель по киргизски; алтын гургулдай *Emberiza aureola* монгольск. и бурят. (*Radde*, *Reise nach Ost-Sibirien*, II, 157); хоргод, хорголдай есаанъ по халхаски, алтын хорголдай, золотой есаанъ; очевидно, подъ этою оермой алтан хорголдай, алтан гургулдай, когда она встрѣчается въ пѣсняхъ, иногда можетъ подразумеваться громовникъ.

¹⁰⁾ *Золотницкій*, *Чув. словарь*, 200.

¹¹⁾ Синонимъ кондрачекъ (id.) по замѣщенію носоваго можно приравнять къ чувашск. кундурдэдэтъ, громъ гремитъ. Грамматика алтайскаго языка, стр. 136.

¹²⁾ *Золотницкій*, *Чув. словарь*, стр. 109.

по урянхайски; кунгуру на языкѣ Хамйцевъ кустарникъ семейства бобовыхъ, у котораго стручки должны зрѣть, судя по аналогіи съ другими видами того же семейства; хэнгрикъ, хэнгрке — бубенъ по монгольски, кангири—музыкальный инструментъ у Маньчжуровъ ¹⁾, сикянь и кангири—побрякушки, пластинки изъ муравленой черепицы навѣшанныя на нитку подъ кровлею у Маньчжуровъ ²⁾; комяра колоколь, по сойотски, конкинор id по койбадски ³⁾; комяро у камасинцевъ ⁴⁾, хонгором на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, комярош, конкорош по хотовски ⁵⁾—колоколь; шангырь трехструнная балалайка у вогуличскаго шамана, синкэръ — погремушки на бубенной колотушкѣ у Телеутовъ; донгуръ бубенъ по урянхайски, тумыръ бубенъ по алтайски, тумур по соботски и карагаски ⁶⁾, тиг по койбалъски. Донкур—дятель на языкѣ Сойповъ изъ вершинъ р. Кобдо (у такъ — называемыхъ по монгольски Кокчулутуновъ), тонгуртка—дятель по алтайски, (тонгсогой по якутски); тэнгэри — трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьемъ въ Маньчжуріи ⁷⁾. Къ этому перечню можно еще прибавить слова шанг колоколь по алтайски чанг по татарски, шынг по кирг., сан по койбалъски ⁸⁾, хонко по монгольски, цанга у горныхъ Черемисовъ, чан у Чувашъ и луговыхъ Черемисовъ ⁹⁾, јонко колоколь по юагирски ¹⁰⁾; сеама, сиснга, щема, санку, сегга по самоѣдски ¹¹⁾.

Кромѣ имени дятла, крикъ по видимому подалъ поводъ отъ того же корня заимствовать названія и другихъ птицъ; для красной утки (*Vultrauser rutila*) монгольское имя агирь, алтайское амыр ¹²⁾. По

¹⁾ *Saxarow*, 252.

²⁾ *Saxarow*, стр. 537.

³⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Spr., стр. 144.

⁴⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samojed., Spr. 181.

⁵⁾ *Castren*, Vers. ein. Eniss.-ostj. und kott. Spr., 240.

⁶⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Sprachlehre, стр. 161.

⁷⁾ Словарь *Saxarowa*, 720.

⁸⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Kar. Spr., 144.

⁹⁾ *Золотницкій*, Чув. слов.

¹⁰⁾ *Mélanges russes*, t. IV, p. 604.

¹¹⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., стр. 229.

¹²⁾ Нельзя ли турецкое айгыр (жеребецъ) считать происшедшимъ отъ агиръ въ родѣ того, какъ хыгыра кричать произошло отъ чыгыръ? Наименованіе того же животнаго на другихъ языкахъ—чувашскомъ: хыгыр, якутскомъ: агыр, монгольскомъ: адзирга—представляютъ по видимому только видоизмѣненія этого корня.

якутски хонгоръ—родъ дикаго гуся ¹⁾; ангыр же у Якутовъ Rohrdommel; шингыръчъ—сворецъ по чувашски ²⁾; нмырба—дикая пчела по якут. Названія журавля представляютъ опускъ носоваго м: тогра, тогура по халхаски, тохурюн по буратски ³⁾. На многихъ татарскихъ нарѣчιάхъ голубь називается кѳгѳршикъ, что можно сравнивать съ кугурт, громъ. Изъ растений, кромѣ кунгуру, сюда можетъ быть, относится чингиль, киргизское названіе стручковаго кустарника съ греющими плодами, принадлежащее къ одному роду съ хамійскимъ кунгуру; окончаніе этого имени находится въ связи съ глагольной формой купкаль ⁴⁾. Тунгусское названіе можжевельника (*Juniperus*) хонкіра ⁵⁾, даю кустарнику по по звукоподражанію, а по какой-то другой связи съ этимъ корнемъ; растеніе это встрѣчается въ шаманскихъ легендахъ и употребляется при куреніяхъ во время шаманскихъ мистерій; растеть онъ на высокихъ горахъ, поднимающихся выше предѣльной линіи лѣсовъ, гдѣ ходять горовыя тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же переходы звуковъ, какіе выше были уже указаны по поводу вариаций слова „тэнгри“, nebo, то-есть, или изъ носоваго звука выпадаетъ м (агыръ, ыгыр, чавыр въ алтайскомъ, якутскомъ и киргизскомъ кричать, звать, вмѣсто чингыр, какъ у Хамійцевъ ⁶⁾), или замѣчается

¹⁾ *Böblingk*, Jacut. Wörterbuch, 85.

²⁾ *Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 109.

³⁾ Другаго журавля *Grus Virgo* Монголы зовутъ каркира; это названіе также въ связи съ глаголомъ кричать; по урянхайски кричать, гремѣть (о громѣ) *каркира*; этимъ можно объяснить названіе бѣлка Харкира, лежащаго въ дубокошуйѣ у монастыря Улангоша. Къ тохурюн близокъ по звуку нашъ Тугарянъ Зиѣвичъ. Имя Дегуренгъ встрѣчается въ одномъ сказаніи объ отниманіи шевы у мужа, включенномъ въ Алатанъ-Тобчи (стр. 40), только въ монгольскомъ сказаніи но Дегуренгъ у хана, а ханъ у Дегуренга отнимаетъ шону. По тунгуски журавль *tokogof* (сравни сойотское тунгуруу, громъ).

⁴⁾ Ср. Иныгы (звукоподражательное) звонъ колокольчика (*Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 15). На языкѣ Енисейскихъ Остяковъ: конгелан, колокольчикъ (*Castrea*, Verg. e. *Eniss.*—*ostj.* und *Kot. Sprl.* 270). По чувашски шыгыльчан растеніе колокольчика (*campanula*).

⁵⁾ *Mélanges asiatiques*, tirés du *Bull. de l'Ac. de Sc. de St. Pétersb.* 1 VIII, 378.

⁶⁾ Можетъ быть, алтайское сагыр, свистѣть (ср. алтайск. сыгырчакъ сверчокъ (Гр. алт. яз., 259); сыгырган, пищука, *Lagomys alpinus*) было первоначально сынгыръ. Огъ заимъ ; на ѣ изъ сыгырчи образовалось татар. шыйырчыгъ, сверчокъ. Алтайское и киргизское сыйыр, корова, имѣетъ предшествующую форму въ остякомъ сыгыр, корова, и въ чувашск. зугур, мугур, быкъ; монголь-

полное выпаденіе носоваго *r*, какъ въ карагасскомъ *dir*, громъ, и въ койбальскомъ *tür*, бубень; эта послѣдняя форма тождественна съ *терь*, небо, по урянхайски и указываетъ на неотдѣлимость представленій о громѣ и небѣ у первобытныхъ насельниковъ южной Сибири. Кроме того, замѣчаются еще слѣдующія измѣненія: носовой звукъ замѣщается 1) *й* въ киргиз. *кыйгыра*, кричать, вмѣсто котонскаго *чингыр*, 2) *нд* кундурдэдот—громъ гремитъ въ чувашск; 3) *д* кудурча—громъ по черемисски, и 4) *й* погыра алт. кричать, *коһиһог* въ карагасскомъ колоколь вмѣсто *коһкиһог*, какъ въ койбальскомъ (подобно тому, какъ монгольское *тангри* перешло въ киргизское *тайръ* ¹⁾).

Алтайскія формы погыра, кричать (о птицахъ), багра, ревьтъ (о медвѣдѣ) предполагаютъ измѣненія корня ховгро въ баигра—пангра; на то же указываетъ и остяцкое *пѳиар*, бубень ²⁾ и чувашское *мутурь*, ревьтъ, мычать; съ такимъ же измѣненіемъ придыханія и съ измѣненіемъ носоваго въ *дз* имѣемъ самоѣдскія формы: *репърег*, *репърег*, *феанджир* — шаманскій бубень ³⁾; ср. съ *фандырь*, осетинск. *бала-лайна* ⁴⁾ (тутъ переходъ носоваго въ *нд*). Конечное *p* переходитъ въ *л*: *кункель*, *чингиль*, или совсѣмъ отпадаетъ, какъ въ названіяхъ колокола: *шанг*, *цанго* и пр., въ которыхъ опять носовой можетъ представлять уже указанные случаи опусканія (какъ напримѣръ, въ чувашск. колоколь: *чан*).

Списокъ приведенныхъ словъ показываетъ распространенность (отъ средняго Амура вплоть до Казани) корня ангра-шангра-тюнгре для обозначенія звуковыхъ явленій, и здѣсь нужно искать основанія, почему тѣмъ же корнемъ названо небо у Монголовъ и Турковъ. Въ

ское *ухыр*, *корова*, не образовалось ли отпаденіемъ начальнаго звука? Замѣчательно, что рѣченіе *ухыр* входитъ въ составъ халкаснаго имени *пищуки*, *ухыр-окто*, между тѣмъ какъ тотъ же звѣрекъ, сейчасъ мы видали, по-алтайски называется *сыгырганъ*.

¹⁾ На томъ же основаніи въ чувашскомъ жеребецъ *ыйыр* (*Золотинский*, Чуш. слов., стр. 11). Другія наименованія жеребца — на монгольскомъ *адмырга*, на урянхайск. и карагасск. *асмыр*, *азкер* указываютъ на новыя измѣненія того же корня. Съ урлик. *асмыр* можно сблизать киргизск. названіе волка, *кисмыр*. Якутск. *атыр*, жеребецъ, также относится къ *вудуры*, громъ, по вотацки, какъ монгольское *адмырга* къ алтайскому *кузурт*, громъ. Эти сблизенія именъ жеребца съ именами Громоушника должны тѣмъ менѣе удивлять, что Громоушникъ представляется въ сказаніяхъ верхомъ на лошади.

²⁾ *Castr.*, Wörtervergl. d. Samojed. Spr., 292.

³⁾ *Castran*, Wörtervergl. d. Samojed. Spr., 292.

⁴⁾ Ингуши произносятъ *пандыр*.

грозовомъ явленіи небо являлось первобытному человѣку элементомъ дѣйствующимъ, активнымъ, а потому, наименовавъ грозное явленіе звукоподражательнымъ словомъ, дикарь перенесъ то же имя и на голубую среду, въ которой разыгрывается гроза.

Отдѣльныя черты этого явленія или частныя явленія, находившіяся по представленіямъ дикарей въ связи съ нимъ, должны были влиять на свои имена отъ того же корня. Якутскія: чагылыи, блестятъ (о молніи), чагылган — молнія, блескъ, Бѣтлицъ сближаетъ съ монгольскимъ цагилган, молнія, съ угурскимъ oot-tsegahildy молнія и съ якутск. же чакыр камень то-есть камень дающій искру (по монгольски камень цахир). Первоначальную форму этихъ словъ можно видѣть въ глаголахъ: чангыр и кункель. Дождь по киргизски называется јамбыр, по татар. јамыр; алтайск. јамгыр, јамыр, по койбалски: наммер, наммыр; у кондомскихъ Татаръ нагур, намур; чувашск. сьомыр¹⁾; якутск. самыр²⁾; въ тунгусскомъ тѣмъ же корнемъ выражается понятіе „слѣтъ идетъ“: хунигрен³⁾; нонастье—хунга.

Приводимъ только для памяти, не умѣя открыть тутъ связь съ идеей о Громовникѣ, нѣкоторыя подобныя же образовъ составленія слова: шанар, самар, намар тунгусское, Loch, Ritze⁴⁾; у Урянхайцевъ на Хукѣ: унгур—нора. Якутское нигыръ — сѣдло⁵⁾, мумуръ—тупой (монгольское мухур, тупой, комолий⁶⁾). Съ обмѣномъ носоваго *m* на *nd*: кендыр, кандыр—конопля; тому же растенію дается еще имя банг; другое растеніе, доставляющее волокно, ленъ, носитъ названіе: выгыр,

¹⁾ *Золотницкій*, Чув. слов., стр. 71.

²⁾ У *Золотницкаго* (стр. 71) приводятся звукоподражательныя выраженія: чувашск. шабыр-шабыр сьомыр слухать, татарское шабыр-шабыр јамыр јауп—дождь идетъ. У Якутовъ ибир самыр вначетъ мелкій дождь, откуда глаголъ вбир проинть. У Монголовъ также есть выраженіе ибир-шибыр или ибир-ибыр, которое уже не прилагается къ грозному явленію, а означаетъ болтовню; въ чувашскомъ Ямыр—амыр вдругъ, разомъ. У Рашидъ-Эддина Ибирь Шибирь—страна, по относительному положенію — Сибирь (*Записки Имп. Археол. Общ.*, т. XIV, стр. 2 и 218). Не отъ этихъ ли формъ: јамбыр, самыр, происходитъ названіе пазветной въ буддійскихъ сказаніяхъ горы Сумыръ-олы или Сумбуръ-олы, подъ которою могло подразумѣваться гремящее небо?

³⁾ *Melanges asiat.*, VIII, 378.

⁴⁾ *Melanges asiat.*, VII, 367, 369.

⁵⁾ По алтайски вьючное сѣдло ынгырчак.

⁶⁾ Это имя часто встрѣчается въ географическихъ именахъ Монголіи въ соединеніи съ словомъ шибир, именно Мохоръ-Шибиръ.

зылр, вигир, севир; *Arosunum sibiricum*, также дающій волокно кеп-деръ, чиге¹⁾. Растеній, называемыхъ именемъ тве-симыр, у г. Кирѣвскаго въ числѣ обитающихъ въ Туркестанѣ указано дѣтсколю. Многія изъ нихъ бобовыя, разныя *Astragalus*'ы съ большими пустыми, можетъ быть, гремучими стручьями.

Переходимъ къ другому имени Громовника: Кайраканъ. Мы уже говорили, что въ киргизскомъ монгольскомъ тэнгри переходитъ у простаго народа въ тайр; поэтому для алтайскаго и урянхайскаго кайракана можно принять восстановленную форму ванграканъ, то-есть, то же, что монгольское тэнгри-ханъ. Именемъ Кайраканъ Урянхайцы, обитающіе въ Танну-Олѣ, зовутъ также медвѣдя, при чемъ они говорятъ, что это имя дается ему изъ уваженія; дѣйствительно, и въ сношеніяхъ между людьми это имя употребляется, какъ почетный титулъ. Такъ, въ разговорѣ съ своимъ огурда, то-есть, княземъ, Урянкаецъ къ его званію присоединяетъ обыкновенно титулъ кайраканъ; онъ говоритъ: кайраканъ огурда! Даже бошкамъ, урядникамъ, говорятъ: кайраканъ бошко! Спрашивается, какъ тутъ было дѣло: кайраканъ ли было именемъ громовника и потомъ обратилось въ почетный титулъ, или первобытный человѣкъ на первой же порѣ своей жизни усмотрѣлъ сходныя черты между звѣремъ и лебомъ-громовникомъ, и обонимъ далъ одно звукоподражательное имя, которое, подобно именамъ другихъ сильныхъ звѣрей, каковы левъ или тигръ, стало придаваться какъ почетное имя, сильнымъ людямъ на землѣ?

Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію по слѣдующимъ основаніямъ: Впервыхъ, обращеніе имени медвѣдя въ почетный титулъ не составляетъ исключенія въ исторіи человѣческаго обряда, какъ указываетъ Спенсеръ; имена сильныхъ звѣрей употреблялись въ разговорѣ у южныхъ племенъ Африки и Америки для повеличенія могущественныхъ царей и князей²⁾. Почему бы тому же обычаю не возникнуть и въ сѣверной Азіи?

Ввторныхъ, имя Кайраканъ (первоначально канграханъ) или даже и тэнгриканъ могло быть давно медвѣдю за его ревъ, какъ имена того же корня даны издающимъ сильный звукъ предметамъ: бубну, лебу и т. п. Хотя, кромѣ урянхайскаго имени кайраканъ, мы не мо-

¹⁾ *И. Кирѣвскій*, Флора нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, стр. 90, 134, 160, 65, 148, 149.

²⁾ *Спенсеръ*, Начала социологіи (Обрядовыя учрежденія). Переводъ Лучицкаго. (Кіевъ, 1880), стр. 249.